

Ш. де-Ревиньи.

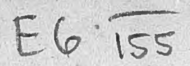
КТО ДОБИВАЛСЯ ВОЙНЫ?

(Сопоставленіе Голубой, Оранжевой, Сѣрой, Бѣлой и Желтой дипломатическихъ книгъ).

ПЕРЕВОДЪ и ИЗДАНІЕ
преподавателя Симбирскаго Кадетскаго Корпуса
Б. Н. Мальгинова.

ЦѢНА 30 КОП.

СИМБИРСКЪ.
Типографія А. П. Балакирщикова.
1915.

Ш. де-Ревиньи.

Кто добивался войны?

(Сопоставленіе Голубой, Оранжевой, Сѣрой, Бѣлой и Желтой дипломатическихъ книгъ).

Переводъ и изданіе
преподавателя Симбирскаго Кадетскаго корпуса
В. Н. Мальгинова.

СИМБИРСКЪ.
Тип. А. П. Балакирщикова.
1915.

Оглавленіе.

Кто добивался войны? *)

(Сравнительный анализъ всѣхъ дипломатическихъ книгъ).

Такъ какъ теперь всѣ дипломатическія книги опубликованы, то составить себѣ точное понятіе объ истинныхъ виновникахъ настоящей войны становится очень легко. Знать ихъ имена, хотя бы лишь для окончательной санкціи, представляетъ чрезвычайно высокій интересъ.

Въ началѣ войны, когда Германія, повидимому, была искренне убѣждена въ своей вѣрной побѣдѣ, обсуждать этотъ „чисто сантиментальный вопросъ" показалось бы ей почти унизительнымъ для ея достоинства. Она считала себя очень сильной, находила моментъ очень благопріятнымъ; что же могло быть для нея проще, какъ начать войну, хотя бы даже противъ всей Европы, разъ конечный успѣхъ казался ей обезпеченнымъ? Но, по мѣрѣ того, какъ дѣйствительность разсѣивала ея надежды, стало появляться неисчислимое множество сочиненій и статей, имѣющихъ цѣлью ввести въ заблужденіе какъ самое Германію, такъ и нейтральные народы и колеблющіеся умы въ союзныхъ странахъ. Ту же самую цѣль преслѣдовалъ манифестъ девяноста трехъ писателей и ученыхъ и безчисленныя воззванія за подписью католическихъ священниковъ и протестантскихъ пасторовъ. Дѣло шло о томъ, чтобы доказать, будто Германія обнажила мечъ лишь вслѣдствіе вызова, идущаго извнѣ, и *„ради защиты своего собственнаго существованія"*.

*) Напечатано въ Revue 1915, 1.

Когда просматриваешь цѣлыя серіи вышедшихъ во время войны нѣмецкихъ газетъ, то съ удивленіемъ констатируешь однообразіе повторяющихся здѣсь машинально и каждый день аргументовъ. Точно такъ же дѣло обстоитъ съ нѣмецкими изданіями, появившимися за-границей. И тутъ занимаются вздорными спорами изъ за незначительныхъ фактовъ, обвиняютъ французовъ, англичанъ и русскихъ въ тайныхъ замыслахъ, приписываютъ всевозможныя преступленія героямъ бельгійцамъ и ихъ несравненному королю, къ дѣйствительнымъ же источникамъ, донесеніямъ пословъ и агентовъ всѣхъ воюющихъ странъ, въ томъ числѣ Германіи, въ цѣляхъ приближенія къ истинѣ, обращаться избѣгаютъ.

Опубликованіе англійской *Голубой*, русской *Оранжевой*, бельгійской *Сѣрой*, нѣмецкой *Бѣлой* и французской *Желтой* книгъ, точно такъ же какъ и обнародованіе дополнительныхъ донесеній агентовъ кайзера въ „Norddeutsche Allegemeine Zeitung", даетъ нынѣ блестящія доказательства того, что Германія имѣла твердыя намѣренія вызвать эту войну. Достовѣрность всѣхъ этихъ оффиціальныхъ документовъ стоитъ выше всякихъ сомнѣній. Всѣ эти *книги* дополняютъ другъ друга. Факты, представляемые ими, взаимно освѣщаются и объясняются. Вначалѣ мы имѣемъ передъ собою настоящую путаницу вопросовъ, отвѣтовъ, утвержденій или же протестовъ, но всякій непредубѣжденный умъ, справившись и разобравшись въ данныхъ документахъ, придетъ къ нѣкоторому вполнѣ опредѣленному заключенію. Нѣмецкимъ ученымъ уже нельзя будетъ больше бросать въ лицо свѣту ихъ безстыдную ложь, ибо всѣмъ, кто только добросовѣстно ознакомится съ распространенными теперь по всѣму свѣту дипломатическими телеграммами и донесеніями, достаточно будетъ лишь противопоставить явствующую изъ этихъ документовъ истину, чтобы заставить замолчать всякую ложь: слишкомъ ужъ проста и, потому, неуязвима эта истина.

Ввиду невозможности для насъ воспроизвести большинство этихъ документовъ, мы попытаемся извлечь

изъ нихъ только существенные факты, взаимно дополняя ихъ и примѣняя къ нимъ столь излюбленный англичанами и столь вѣрный методъ сравнительнаго изученія или сопоставленія *).

I. Кайзеръ и его народъ подготовляетъ неизбѣжную войну. . .

Дипломатическія книги, которыя мы ниже разсматриваемъ, относятся исключительно къ 1913 и 1914 годамъ. Чтобы лучше понять сцѣпленіе предшествовавшихъ войнѣ фактовъ, нашимъ читателямъ нужно только обратиться къ статьямъ „о мирной Франціи", напечатаннымъ въ Revue, въ сентябрѣ 1914 г.

Вотъ эти факты.

17 марта 1913 года Жюль Камбанъ, французскій посолъ въ Берлинѣ, сообщаетъ на Орсейскую набережную **) слѣдующее:

„предложеніе правительства Республики, устанавливающее трехлѣтнюю военную службу, мужественная рѣшимость, съ какою это предложеніе было принято во Франціи, впечатлѣніе удивленія, произведенное этими проектами,—все это было использовано императорскимъ правительствомъ въ цѣляхъ настоянія на абсолютной необходимости увеличить военныя силы Германіи; проекты этой послѣдней были представлены въ видѣ отвѣта. Но это какъ разъ *противоположность истины*, ибо принятое Франціей огромное военное напряженіе есть лишь слѣдствіе почина, сдѣланнаго Германіей.

Органы императорской власти безпрестанно разжигаютъ патріотическое чувство. Императоръ самъ всегда любитъ напоминать о событіяхъ 1813 г. Вчера по улицамъ Берлина проходили войска и въ произнесенныхъ по этому поводу рѣчахъ настоящее положеніе было приравнено къ бывшему сто лѣтъ тому назадъ.

*) Англ. cross-examination—перекрестный вопросъ, сопоставленіе

**) На Орсейской набережной въ Парижѣ находится французское министерство иностранныхъ дѣлъ, прим. перев.

Увлеченіе общественнаго мнѣнія несомнѣнно найдетъ свой откликъ въ преніяхъ, которыя начнутся въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ Рейхстагѣ, и я имѣю основаніе опасаться, что канцлеръ въ своей декларацiи дойдетъ до намековъ на отношенія Германіи и Франціи. Что будутъ возбуждать патріотизмъ народа въ тотъ моментъ, когда отъ него потребуютъ новыхъ жертвъ,—этого нужно было ожидать, но сравнивать настоящее время съ 1813 г. —значитъ злоупотреблять исторической аналогіей".

„Это настроеніе умовъ въ обѣихъ странахъ *дѣлаетъ положеніе серьезнымъ*".

Нашъ военный атташе въ Берлинѣ въ свою очередь пишетъ 15 марта 1913 г. военному министру Этьену слѣдующее:

„съ нѣкотораго времени встрѣчаешь людей, которые объявляютъ военные проекты Франціи необычайными и ничѣмъ неоправдываемыми. Въ какомъ то салонѣ одинъ членъ Рейхстага, а не какой-нибудь фанатикъ, говоря о трехлѣтней службѣ во Франціи, дошелъ до того, что сказалъ: „это вызовъ, мы этого не допустимъ".

Болѣе умѣренные, военные и штатскіе, высказываютъ вообще мнѣніе, что *Франція съ ея 40 милліонами населенія не имѣетъ права соперничать съ Германіей*"...

Позволю себѣ напомнить то, что писалъ годъ тому назадъ при появленіи закона 1912 г. мой предшественникъ полковникъ Пелле:

„каждый день намъ показываетъ, насколько глубоки и устойчивы чувства оскорбленной гордости и злопамятства противъ насъ, вызванныя событіями прошлаго года".

„Договоръ 4 ноября 1911 г. принесъ глубокое разочарованіе".

„Чувство нанесенной обиды, пережитое во всѣхъ частяхъ страны, по характеру своему однородно. Всѣ нѣмцы, до соціалистовъ включительно, враждебно настроены противъ насъ, за то, что мы отняли у нихъ их-нюю долю въ Марокко.

Годъ или два тому назадъ казалось, что нѣмцы отправились завоевывать весь свѣтъ. Они признавали себя достаточно сильными для того, чтобы никто не осмѣлился начать съ ними борьбу. Передъ нѣмецкой промышленностью, торговлей, развитіемъ открывались безпредѣльные горизонты.

„Само собою понятно, эти планы и честолюбивыя мечты въ настоящее время не исчезли. Нѣмцы всегда испытываютъ нужду въ рынкахъ, въ экономическомъ и колоніальномъ разрастаніи. По ихъ мнѣнію, они имѣютъ на это право, такъ какъ они растутъ съ каждымъ днемъ, и будущее принадлежитъ имъ. На насъ съ нашими 40 милліонами жителей они смотрятъ, какъ на второстепенную націю.

Во время кризиса 1911 года эта второстепенная нація дала имъ такой отпоръ, что императоръ и правительство должны были уступить. Общественное мнѣніе (германское) не простило этого ни имъ, ни намъ. *Оно не желаетъ повторенія подобнаго факта*".

„Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что правительство, пышно празднуя каждую годовщину 1813 г., *пускаетъ въ ходъ все, чтобъ только подогрѣть національное чувство*"...

Того же числа французскій морской атташе въ Берлинѣ пишетъ морскому министру:

„правительство боится, что этотъ чрезвычайный налогъ въ одинъ милліардъ, падающій исключительно на пріобрѣтенный капиталъ, вызоветъ долговременное недовольство въ богатыхъ и буржуазныхъ классахъ; поэтому оно дѣлаетъ все возможное, чтобы убѣдить тѣхъ, съ кого оно собирается такъ жестоко содрать, что *опасность грозитъ самой цѣлости имперіи;* точно такъ-же оно стремится установить *аналогію между воинственнымъ временемъ 1813 г. и настоящимъ періодомъ.*

Шумно празднуя столѣтіе войны за независимость, оно хочетъ убѣдить народъ въ необходимости жертвы и напомнить ему, что нынѣшняя Франція такой-же заклятый врагъ, какъ и сто лѣтъ тому назадъ.

Если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что германское правительство старается добиться, чтобы этотъ налогъ выплачивался *не* въ нѣсколько сроковъ и что уплата его, какъ сообщаютъ нѣкоторыя газеты, должна быть цѣликомъ реализирована до 1 іюля 1914 года, то мы увидимъ въ этомъ страшный для насъ симптомъ, ибо такую поспѣшность военныхъ властей получить въ свое распоряженіе свободный военный капиталъ въ одинъ милліардъ нельзя объяснить ничѣмъ (кромѣ близкой войны съ нами).

„Со своими 700000 человѣкъ подъ ружьемъ, со своей прекрасной военной организацiей и общественнымъ мнѣніемъ, подпадающимъ подъ власть воинственныхъ воззваній военной и морской лигъ, германскій народъ является въ настоящее время сосѣдомъ весьма опаснымъ“.

Нижеслѣдующій отрывокъ мы заимствуемъ изъ „*Секретной записки объ усиленіи германской арміи*“. Добавимъ, что редакція ея—если судить по тону и стилю—исходитъ отъ самого кайзера. Помѣчена она 19 марта 1913 г., и это объясняетъ все...

„Наши предки 1813 г. принесли большія жертвы. Нашъ священный долгъ отточить вложенный намъ въ руки мечъ и держать его наготовѣ, какъ для своей собственной защиты, такъ и для нанесенія ударовъ врагу. *Нужно внѣдрить въ народъ убѣжденіе, что наши вооруженія лишь отвѣтъ на французскія вооруженія и политику.* Нужно пріучить его къ мысли, что наступательная война съ нашей стороны вызывается необходимостью бороться съ выступленіями противника. Надо будетъ дѣйствовать осторожно, чтобы не возбудить никакихъ подозрѣній и избѣгнуть кризисовъ, могущихъ повредить нашей экономической жизни. Нужно вести дѣло такъ, чтобы подъ тяжкимъ бременемъ огромныхъ вооруженій, значительныхъ жертвъ и напряженнаго политическаго положенія разразившаяся гроза разсматривалась какъ освобожденіе, ибо послѣ нея наступятъ годы мира и благоденствія, подобно тому, какъ послѣ 1870 г...

Нужно будетъ подготовить смуты на сѣверѣ Африки и въ Россіи. Это является средствомъ поглотить силы противника. Поэтому, обсолютно необходимо, при помощи хорошо выбранныхъ органовъ, войти въ сношенія съ вліятельными людьми Египта, Туниса, Алжира и Марокко, съ цѣлью подготовленія всѣхъ необходимыхъ мѣропріятій на случай европейской войны...

Какъ бы то ни было, мы должны быть настолько сильны, чтобы быть въ состояніи однимъ могучимъ натискомъ уничтожить нашихъ враговъ на востокѣ и на западѣ. Кромѣ того, нужно еще, чтобы въ этой близкой европейской войнѣ *за нами принуждены были слѣдовать и маленькія государства;* въ противномъ случаѣ они *должны быть усмирены.* Ихъ арміи и крѣпости, можно при извѣстныхъ условіяхъ, быстро сломить или нейтрализировать."

Слѣдующія нѣсколько строкъ мы беремъ изъ донесенія Жюля Камбона, помѣченнаго 6 мая 1913 года. Изъ нихъ видно, что у нѣмецкихъ генераловъ, даже самыхъ высокопоставленныхъ, вырывались иногда признанія настолько же беззастѣнчивыя, насколько и тревожныя. Вотъ публично сказанныя слова генерала фонъ-Мольтке, теперешняго начальника германскаго генеральнаго штаба.

„Общія мѣста объ отвѣтственности нападающаго нужно отбросить. Разъ война стала необходима, надо ее вести такъ, чтобы на нашей сторонѣ оказались всѣ шансы. Только успѣхъ оправдываетъ ее. Германія не можетъ и не должна давать Россіи времени на мобилизацію иначе она должна будетъ держать на ея границѣ такую сильную армію, что окажется въ положеніи равенства, если не меньшинства, по отношенію къ Франціи. Значитъ, прибавляетъ генералъ, нужно опередить нашего главнаго противника и, при наличности девяти шансовъ на войну изъ десяти, сейчасъ же эту войну начать, чтобы раздавить всякое сопротивленіе..."

Въ концѣ ноября 1913 года Жюль Камбонъ сообщаетъ объ одномъ разговорѣ кайзера съ бельгійскимъ

королемъ Альбертомъ. Этотъ разговоръ показываетъ нескрываемую вражду къ Франціи. Посолъ, при этомъ, присоединяетъ такія многозначительныя слова: *„кайзеръ пересталъ быть сторонникомъ мира"*. Генералъ фонъ-Мольтке говорилъ, конечно, точно въ такимъ же духѣ, что и его государь, только онъ, казалось, былъ еще болѣе увѣренъ въ успѣхѣ: „на этотъ разъ сказалъ онъ королю Альберту, нужно со всѣмъ этимъ покончить, и Ваше Величество не можетъ даже подозрѣвать о томъ неудержимомъ порывѣ энтузіазма, который охватитъ въ тотъ день весь германскій народъ."

Въ этихъ столь ясныхъ донесеніяхъ нашего берлинскаго посла, гдѣ конкретные и важные факты перемѣшиваются съ очень мѣткими и очень тонкими психологическими наблюденіями, мы находимъ иногда весьма остроумныя замѣчанія. Такъ, напр., онъ намъ говоритъ: „по мѣрѣ того какъ годы старятъ Вильгельма II, военные все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ власти надъ его умомъ. Можетъ быть, прибавляетъ Камбонъ, императоръ испытываетъ что-то вродѣ зависти къ популярности своего сына, который льститъ страстямъ пангерманистовъ".

Итакъ, мы видимъ, что еще въ 1913 г. кайзеръ, а вмѣстѣ съ нимъ его генералы и германское общественное мнѣніе, пускали въ ходъ все, чтобы только подготовить въ ближайшемъ будущемъ ту войну, которую годъ спустя они дѣлаютъ неизбѣжной.

II. Около трупа эрцгерцога.

Германія желаетъ войны, но вызывать ее грубымъ способомъ ей нехочется. Ей нуженъ поводъ. Ей нужно во что бы то ни стало, чтобы искра пожара вспыхнула на другомъ клочкѣ земли и чтобы она сама, все подстроившая, имѣла видъ лишь простой жертвы, принужденной защищать свое собственное существованіе. И дѣйствительно, эта сараевская траги-комедія, полная нѣмецкой лжи, недомолвокъ, отрицаній, протестовъ и стремящаяся обмануть и усыпить Европу, представляетъ со-

бою нѣчто невиданное въ исторіи всесвѣтной дипломатіи. Факты общеизвѣстны. Сербія ни подъ какимъ предлогомъ не могла быть признана отвѣтственной за убійство, совершенное нѣсколькими босняками, подданными Франца-Іосифа. Одна только мысль взвалить на Сербію послѣдствія этого преступленія уже заключаетъ въ себѣ нѣчто глубоко унизительное для ея правительства и народа. Игра Австріи ясна и очевидна. Ея дипломатія, неудачные шаги которой можно сравнить развѣ только съ промахами Германіи, искала случая возвысить свое моральное значеніе въ глазахъ міра, особенно много потерявшее вслѣдствіе той роли, которую эта имперія играла во время первой и второй балканскихъ войнъ. И вотъ она не отступаетъ даже передъ трупомъ эрцгерцога!

Будучи убѣждена, что Россія и Франція не могутъ вступиться за маленькую Сербію *), Австрія стремится во что-бы то ни стало ускорить ходъ событій. Напрасно Сербія всѣми возможными средствами пыталась удовлетворить ея оскорбленныя чувства. Какъ вы припомните, когда знаменитая нота отъ 23 іюля 1914 года была ей послана, Сербія изъявила полную готовность подчиниться всѣмъ условіямъ, поставленнымъ Австріей, за исключеніемъ того, что такъ или иначе наносило ущербъ ея независимости.

Сербское правительство доходитъ даже до того, что соглашается принять сотрудничество органовъ австрійскаго правительства, согласно съ принципами международнаго права и уголовнаго процесса. Сверхъ того, Сербія обязуется провести законъ о печати, въ силу котораго всякія выступленія противъ Австріи и ея территоріальной цѣлости должны подлежать суровому наказанію. Наконецъ, чтобы отнять у Австріи всякую возможность довести дѣло до войны, Сербія изъявляетъ свое согласіе всѣ спорные пункты передать на рѣшеніе

---

*) Очевидное доказательство тому мы находимъ въ донесеніи Дюмена, французскаго посла въ Вѣнѣ (отъ 15 іюля 1914 г.). Оффиціальная военная газета, а также другіе вѣнскіе журналы, подстрекаютъ къ войнѣ, утверждая, что Россія не готова.

великихъ державъ, бывшихъ виновниками сербской декларации въ 1909 году.

Но Австрія не придаетъ этому никакого значенія. Она прерываетъ дипломатическія сношенія съ Сербіей, повинуясь—это теперь уже несомнѣнно—рѣшенію, продиктованному ей Германіей. Но, впрочемъ, было бы совершенно напрасно пытатся уменьшить участіе въ этомъ преступленіи самой Австро-Венгріи. Не будемъ забывать, что всѣ эти осложненія обязаны своимъ происхожденіемъ всецѣло этой странѣ. Ея скандальная и безнравственная аннексія Босніи и Герцеговины въ 1908 г. нарушила европейское равновѣсіе и прямо стала угрожать независимости Сербіи. Даже болѣе, это было тѣмъ первымъ тяжкимъ и чувствительнымъ ударомъ, который Австрія, по этому же самому поводу, нанесла положенію Россіи, какъ покровительствующей славянамъ державѣ. Все это обязывало императора Франца-Іосифа быть по отношенію къ Европѣ и Сербіи болѣе скромнымъ, а главное болѣе сговорчивымъ.

Жребій брошенъ. Попытки уладить споръ мирнымъ путемъ, предпринятыя Франціей, Англіей и Россіей, терпятъ неудачу по всему фронту. Дипломатическія книги даютъ намъ цѣлый рядъ документовъ, свидѣтельствующихъ, что русскіе, французскіе и англійскіе дипломаты сдѣлали рѣшительно все возможное, чтобъ только предотвратить грозу. Австрійскій ультиматумъ и объявленіе войны какъ громомъ поражаютъ всѣхъ своею неожиданностью.

Бьенвеню-Мартэнъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, замѣстившій тогда Вивіани, сообщаетъ австро-венгерскому послу въ Парижѣ, графу Цешену, о томъ тяжеломъ чувствѣ, которое вызвалъ этотъ неудачно выбранный моментъ (Пуанкарэ и Вивіани тогда отсутствовали) для „столь повелительнаго и нетерпящаго отлагательствъ выступленія". Пуанкарэ и Вивіани какъ-разъ находились въ это время на морѣ и, слѣдовательно, были не въ состояніи, въ согласіи съ другими державами, оказать свое умѣряющее вліяніе въ интересахъ всеобщаго мира.

III. Нѣмецкія махинаціи и ложь.

24 іюля фонъ-Шенъ является на Орсейскую набережную. Здѣсь онъ прочитываетъ—два раза, по просьбѣ Бьенвеню-Мартэна—одну дипломатическую ноту, копіи съ которой онъ оставлять не хочетъ. Въ этой нотѣ германское правительство утверждаетъ о своемъ горячемъ желаніи локализировать конфликтъ, въ виду того, что „всякое вмѣшательство какой-либо другой державы породитъ неисчислимыя послѣдствія".

Въ тотъ же самый день Жюль Камбонъ сообщаетъ въ своемъ донесеніи, что государственный секретарь фонъ-Яговъ ему утверждалъ, будто *„берлинскій кабинетъ абсолютно ничего не зналъ объ австрійскихъ требованіяхъ"*. Французскій посолъ выражаетъ тогда свое удивленіе по поводу того, что Германія поддерживаетъ притязанія, размѣры и значеніе которыхъ ей неизвѣстны. Но это не важно! Фонъ-Яговъ все таки продолжаетъ требовать, чтобы конфликтъ оставался локализированнымъ. Но его аггрессивный тонъ уже показываетъ, что Германія позаботится о томъ, чтобы пожаръ охватилъ и Европу".

Того же числа французскій посолъ въ Лондонѣ, Поль Камбонъ, отмѣчаетъ въ сэрѣ Эдуардѣ Греѣ энергичное стремленіе поставить кризисъ въ границы. Англійскій кабинетъ, въ согласіи съ Камбономъ, проситъ Германію предпринять какой-нибудь шагъ въ Вѣнѣ, съ цѣлью предложенія посредничества „посредничества четырехъ незаинтересованныхъ прямо державъ."

На другой день фонъ-Шенъ идетъ на Орсейскую набережную и протестуетъ противъ утвержденія нѣкоторыхъ газетъ, будто между Австріей и Германіей относительно австрійской ноты существуетъ „какое то соглашеніе". По его словамъ, Германія даже не знакома съ этой нотой. Положительно это было условнымъ ходомъ. Съ другой стороны австрійскій посолъ въ Лондонѣ успокаиваетъ сэра Эдуарда Грея, заявляя, что австрійская нота вовсе не представляетъ собою ультиматума, но

„испрашиваніе отвѣта съ извѣстнымъ ограниченіемъ времени!..

Но тутъ вдругъ германское правительство, *„ничего не знающее о нотѣ,“* дѣлаетъ ни съ того ни съ сего заявленіе, что оно ни подъ какимъ предлогомъ не думаетъ вмѣшиваться въ раздѣляющій Австрію и Сербію конфликтъ. Это ставящее въ тупикъ заявленіе было сдѣлано въ англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ княземъ Лихновскимъ, германскимъ посломъ въ Лондонѣ. Въ это же самое время французскій посолъ въ Петроградѣ, Палеологъ, сообщаетъ, что русское правительство сдѣлало шаги въ цѣляхъ полученія отъ Вѣны *продленія срока.* Эта обращенная къ графу Берхтольду просьба поддерживается, сверхъ того, французскимъ и англійскимъ послами. Тѣмъ временемъ русскій представитель въ Берлинѣ тоже получаетъ инструкцію просить германское правительство „настоять передъ вѣнскимъ кабинетомъ на продленіи срока ультиматума.“ Но—поистиннѣ достоинъ удивленія развращенный духъ германскихъ дипломатовъ!—фонъ-Яговъ назначаетъ разговоръ съ русскимъ представителемъ значительно послѣ полудня, то есть, въ тотъ моментъ, когда срокъ ультиматума долженъ будетъ истечь! Вышеприведенные факты дѣлаютъ излишними всякіе комментаріи. Въ это время въ Берлинѣ происходитъ истинный взрывъ воспитаннаго и подогрѣтаго правительствомъ шовинизма. Кайзеръ возвращается прямо въ Киль. Такъ какъ предложенія о продленіи срока ультиматума въ Вѣнѣ категорически отвергнуты, то въ Берлинѣ ждутъ неожиданныхъ выступленій со стороны Россіи.

Жюль Камбонъ, какъ всегда очень предусмотрительный, телеграфируетъ въ Парижъ, что при первыхъ же военныхъ мѣрахъ Россіи, дѣлающихся неизбѣжными, Германія бросится на Францію. Австрія хорошо поняла это. Вотъ почему она сейчасъ же приступаетъ къ военнымъ приготовленіямъ и вынуждаетъ, такимъ образомъ, дѣйствовать правительство Царя. Эта дьявольская махинація не оставляетъ нынѣ никакого сомнѣнія ни для кого.

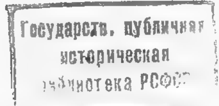
IV. Усилія союзныхъ дипломатовъ.

Союзные дипломаты продолжаютъ переговариваться. Сазоновъ заявляетъ, что онъ „готовъ вести переговоры до самаго послѣдняго момента". Онъ приглашаетъ къ себѣ графа Сапари и держитъ къ нему такую рѣчь: „намѣреніе, бывшее причиной вашей ноты, законно, но пріемъ, къ которому вы прибѣгли, защищать нельзя". И онъ заключаетъ: „возьмите назадъ вашъ ультиматумъ, измѣните его форму, и за результатъ я вамъ ручаюсь" *).

Кромѣ того, русскій министръ рѣшаетъ открыть переговоры непосредственно между Вѣной и Петроградомъ. Способъ этотъ кажется ему быстрымъ и рѣшительнымъ. *Но Германія уже начинаетъ свою мобилизацію!* Она во что бы то ни стало стремится сейчасъ же парализовать мирныя усилія своихъ противниковъ. А въ это время фонъ-Шенъ является на Орсейскую набережную и увѣряетъ, что „Германія чувствуетъ себя солидарной съ Франціей въ горячемъ желаніи сохранить миръ и имѣетъ твердую надежду, что Франція будетъ дѣйствовать въ Петроградѣ"... Бьенвеню-Мартэнъ замѣчаетъ ему, что „дѣло за Германіей воздѣйствовать на Вѣну во избѣжаніе нашествія на Сербію, ибо, что касается Россіи, то она настроена въ высшей степени миролюбиво". Фонъ-Шенъ ссылается тогда на отсутствіе у него инструкцій на этотъ счетъ.

Но оставимъ въ сторонѣ другія интриги этого самаго фонъ-Шена, который, напримѣръ, старался еще вырвать у временно управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ ноту, заявляющую, что „все идетъ къ лучшему и что Франція дѣйствуетъ въ согласіи съ Германіей". Это происходитъ 26 іюля, въ тотъ моментъ, когда идущія со всѣхъ сторонъ донесенія дипломатическихъ агентовъ Франціи извѣщаютъ о германской мобилизаціи. Такъ французскій генеральный консулъ въ Базелѣ сообщаетъ 27 іюля, что четыре дня тому назадъ бывшіе тамъ въ отпуску германскіе офицеры получили приказъ вернуться въ Германію!

*) Донесеніе Палеолога отъ 26 іюля.

Сэръ Эдуардъ Грей лойяльно ставитъ германскаго посла въ извѣстность относительно намѣреній своей страны. Онъ говоритъ ему, между прочимъ, что въ случаѣ занятія Сербіи Австріей „возникнетъ общеевропейскій вопросъ“. Съ своей стороны Жюль Камбонъ дѣлаетъ у фонъ-Ягова отчаянныя попытки въ пользу мира, но этотъ послѣдній уклоняется отъ объясненій. Когда французскій посолъ спрашиваетъ у него, ознакомился ли онъ съ сербской нотой, этотъ странный государственный секретарь отвѣчаетъ, что „у него на это не было еще времени“!! И это происходитъ 27 іюля! Болѣе того, германскій дипломатъ пытается усыпить бдительность Камбона, говоря ему, что онъ, фонъ-Яговъ, ждетъ весьма хорошихъ результатовъ отъ непосредственныхъ переговоровъ между Вѣной и Петроградомъ“. Но это отнюдь ему не мѣшаетъ, какъ видно изъ содержащихся въ дипломатическихъ книгахъ документовъ, работать за кулисами противъ предложенія посредничества четырехъ державъ.

Австрія, въ согласіи съ Германіей, *не даетъ* на предложеніе Сазонова *никакого отвѣта*. Графъ Берхтольдъ безмятежно заявляетъ, что всякіе переговоры безцѣльны ибо война оффиціально объявлена еще въ полдень!

Это стремительное рѣшеніе Австріи было, конечно, принято по наущенію Германіи, представители которой продолжаютъ, однако, обманывать союзниковъ, чтобы помѣшать ихъ мобилизаціи. Въ Парижѣ фонъ-Шенъ утверждаетъ даже, что, по его мнѣнію, „въ виду увѣреній Австріи не нарушать территоріальной цѣлости Сербіи, у Франціи не должно быть никакихъ поводовъ къ опасенію“.

Между тѣмъ тревожныя вѣсти продолжаютъ приходить въ Лондонъ, Парижъ и Петроградъ. Австрія открыто спѣшитъ окончить свои военныя приготовленія противъ Россіи. На границѣ Галиціи начинается формальная мобилизація. Россія видитъ себя принужденной дѣйствовать и 29 іюля вечеромъ отправляется приказъ

о мобилизаціи 13 армейскихъ корпусовъ, *предназначенныхъ, при случаѣ, дѣйствовать противъ Австріи.*

V. Германія дѣйствуетъ въ интересахъ мира!...

Но фонъ-Шенъ не падаетъ духомъ изъ за такихъ пустяковъ. Онъ продолжаетъ лгать изо всѣхъ силъ. Германское правительство, заявляетъ онъ 29 іюля, *не знаетъ намѣреній Вѣны.* Когда Берлинъ будетъ знать, насколько далеко хочетъ идти Австрія, у него явится нѣкоторое основаніе для обсужденія вопроса (*Желтая книга*, стр. 111).

Сэръ Эдуардъ Грей съ самымъ похвальнымъ рвеніемъ не оставляетъ дѣла мира. Но въ это время Германія, боясь что дѣло обойдется безъ войны, вдругъ приказываетъ своему послу объявить Сазонову, что „если Россія не остановитъ своихъ военныхъ приготовленій, германская армія получитъ приказъ о мобилизаціи“! Тогда для русскаго правительства становится ясно, что война неизбѣжна. Сомнѣніе уже невозможно, ибо русскій генеральный штабъ и адмиралтейство получили *точныя свѣдѣнія объ огромныхъ приготовленіяхъ, уже сдѣланныхъ* нѣмецкой арміей и флотомъ.

Сэръ Эдуардъ Грей все-таки продолжаетъ вѣрить въ свои благородныя иллюзіи. Онъ склоняетъ князя Лихновскаго „просить свое правительство предложить какую-нибудь желательную для него *формулу* для совѣщанія или посредничества“... и обѣщаетъ, что эта формула, „если только она позволитъ сохранить миръ, будетъ принята Англіей, Франціей и Италіей“.

Парижъ даетъ Петрограду совѣты благоразумія. Русское министерство получаетъ увѣреніе, что Франція, рѣшившаяся выполнить всѣ обазательства союза, тѣмъ не менѣе не будетъ пренебрегать ничѣмъ, чтобы только добиться мирнаго разрѣшенія вопроса“.

30 іюля Палеологъ, (Желтая книга, дѣло № 102) сообщаетъ Вивіани, что русскій генеральный штабъ, слѣдуя желанію Франціи и стараясь отнять у Германіи какой бы то ни было поводъ къ мобилизаціи, *пріостано-*

вилъ мѣры военной предосторожности. Даже болѣе, начальникъ русскаго генеральнаго штаба даетъ нѣмецкому военному атташе свое честное слово, что начатая мобилизація имѣла въ виду исключительно Австрію...

Въ тотъ же день, въ одной телеграммѣ, посланной вечеромъ, Палеологъ приводитъ слѣдующія слова Сазонова: „выступая съ посредничествомъ въ Петроградѣ и въ то же самое время отказываясь выступить съ посредничествомъ въ Вѣнѣ, Германія стремится лишь выиграть время, для того чтобы дать Австріи возможность раздавить Сербію ранѣе, чѣмъ Россія можетъ ей помочь“...

Однако желаніе Россіи придти къ мирному соглашенію такъ велико, что Сазоновъ выступаетъ съ новымъ предложеніемъ: „если Австрія заявитъ готовность устранить изъ своего ультиматума пункты, направленные противъ суверенитета Сербіи, Россія тотчасъ же прекратитъ всякія военныя приготовленія“. Того же самаго хочетъ добиться отъ графа Берхтольда и русскій посолъ въ Вѣнѣ, Шебеко. Въ донесеніи Дюмена мы находимъ фразу, показывающую, что все еще позволяло тогда надѣяться на миръ: „разговоръ между графомъ Берхтольдомъ и Шебеко, говоритъ Дюменъ, все время поддерживался въ дружескомъ тонѣ и позволялъ думать, что не всѣ еще шансы локализировать конфликтъ были потеряны“...

Но Германія хочетъ войны во что бы то ни стало и скрытно парализуетъ усилія европейской дипломатіи. Болѣе того, она поспѣшно мобилизируетъ свою армію, распространяя въ Европѣ безпокойство и недовѣріе. Ея планы начинаютъ показываться въ настоящемъ своемъ свѣтѣ такъ очевидно, что всякая надежда сохранить миръ таетъ съ каждымъ днемъ. Но это не мѣшаетъ фонъ-Ягову 30 іюля послѣ полудня телефонировать Камбону, что, опубликованное одной оффиціальной газетой Lokal Anzeiger, извѣстіе о германской мобилизаціи, является ложью. Онъ проситъ даже французскаго посла *спѣшно* извѣстить объ этомъ свое правительство! Но Камбонъ не поддается обману. Въ своей телеграммѣ къ Вивіани онъ открываетъ эту нѣмецкую игру. „Я имѣю, говоритъ

онъ, самыя серьезныя основанія думать, что въ Германіи приняты всѣ мѣры мобилизаціи, только здѣсь очень хотятъ, чтобы Франція дала формальный приказъ объ общей мобилизаціи ранѣе Германіи, такъ какъ *тогда можно будетъ свалить отвѣтственность за войну на нее*".

Тѣмъ временемъ Германія принимаетъ мѣры предосторожности въ нѣсколькихъ стахъ метровъ отъ границы, по всему фронту отъ Люксембурга до Вогезъ. Войска продвигаются къ самой границѣ и усиливаются нѣсколькими полками. А, начиная съ субботы 25-го, въ распоряженіе военной власти отдаются вокзалы и единоличными приказами призываются запасные.

Внутри страны на дорогахъ устанавливаются заставы, и автомобили ѣздятъ лишь съ разрѣшенія властей. Впрочемъ, еще наканунѣ аванпосты нѣмецкой арміи проникли на французскую территорію. Все это Германія называетъ „дѣйствовать въ интересахъ мира"!

Объ этого рода фактахъ Вивіани спѣшитъ сообщить въ Лондонъ. Дипломатическіе переговоры тѣмъ временемъ все-таки продолжаются. Германія все только о томъ и думаетъ, чтобы выиграть время. Нѣмецкій же канцлеръ, пользуясь своими добрыми отношеніями съ Англіей, 31-го получаетъ даже отъ этой послѣдней обѣщаніе представить Германіи дѣйствовать „свободно".

Несмотря на столько допущенныхъ германскимъ правительствомъ вѣроломныхъ актовъ, союзники не падаютъ духомъ. 31 іюля англійскій посолъ вручаетъ французскому правительству одну ноту и проситъ его поддержать въ Петроградѣ это новое мирное рѣшеніе вопроса. Французское министерство иностранныхъ дѣлъ присоединяется къ предложенію Англіи и немедленно сообщаетъ объ этомъ своему послу въ Петроградѣ. *Миръ могъ бы еще быть спасенъ.* Но ночью австрійцы внезапно бомбардируютъ Бѣлградъ. Что же такое случилось? Какимъ образомъ Австрія, повидимому, столь послушная совѣтамъ благоразумія, даваевымъ ей другими державами, могла учинить этотъ почти непоправимый актъ?

Вѣдь Россія, несмотря ни на что, приняла предложенную ей Палеологомъ мирную формулу, и лучъ надежды снова началъ приникать во всѣ министерства! Но вотъ тутъ то, слѣдуя инструкціямъ германскаго посла въ Вѣнѣ, Чирскаго, Австрія и даетъ приказъ объ общей мобилизаціи всѣхъ мужчинъ отъ 19 до 42 лѣтъ.

Въ своей телеграммѣ, посланной 31 іюля вечеромъ всѣмъ посламъ Франціи, Вивіани говоритъ (имъ) буквально слѣдующее:

„Неизмѣнная позиція Германіи, которая съ начала конфликта, неустанно завѣряя каждую изъ державъ въ своихъ мирныхъ намѣреніяхъ, *на самомъ дѣлѣ своимъ отрицательнымъ отношеніемъ или затягиваніемъ сводила на нѣтъ всякія попытки къ соглашенію* и черезъ своего посла все время поощряла непримиримость Вѣны; нѣмецкія военныя приготовленія, начатыя 25 іюля и съ тѣхъ поръ безостановочно продолжавшіяся; прямое противодѣйствіе Германіи русской формулѣ, объявленной въ Берлинѣ непріемлемой для Австріи ранѣе даже переговоровъ съ этой державой; наконецъ, всѣ шедшія изъ Берлина давленія,—все это приводитъ къ убѣжденію, что Германія добивалась униженія Россіи, разложенія тройственнаго согласія и, въ случаѣ безрезультатности этихъ попытокъ—войны".

VI. Германія открываетъ свои карты.

Вечеромъ 31 іюля Германія убѣждается, что игра становится неблагодарной. Противники ея уже слишкомъ хорошо видятъ истину. Тогда фонъ-Шенъ въ 7 часовъ вечера объявляетъ Вивіани, что Германія рѣшила принять всѣ военныя мѣры, допускаемыя т. н. *„положеніемъ военной опасности"* „(état de danger de guerre"). Въ то же время онъ спрашиваетъ, „каковы могутъ быть намѣренія Франціи въ случаѣ столкновенія Германіи съ Россіей". Остальное извѣстно. Желаніе Германіи вызвать войну видно еще изъ того факта, что 31 вечеромъ же, не дожидаясь никакого отвѣта на свои вопросы, фонъ-Шенъ просилъ „сдѣлать распоряженія относитель-

но его собственной особы". Дѣло, значитъ, шло просто на просто о разрывѣ дипломатическихъ сношеній. Равнымъ образомъ, Германія обращается съ ультиматумомъ и къ Россіи, требуя отмѣны приказа о мобилизаціи не только въ отношеніи къ Германіи, но и въ отношеніи къ Австріи и, при этомъ, въ *тотъ именно часъ, когда соглашеніе между Вѣной и Петроградомъ могло еще состояться*".

2 августа Германія формально объявляетъ войну Россіи. Но въ этотъ моментъ Австрія—вещь совершенно неожиданная—изъявляетъ свое согласіе обсуждать вмѣстѣ съ державами самую сущность своего конфликта съ Сербіей!*) Кайзеръ, между тѣмъ, безъ всякаго „предварительнаго" объявленія войны открываетъ противъ Франціи цѣлый рядъ военныхъ дѣйствій. И не переставая это продѣлывать, онъ въ то же время, 2 августа, поручаетъ фонъ-Шену передать на Орсейской набережной ноту, содержащую утвержденіе, будто „Германія не допускаетъ никакихъ актовъ враждебности и что принятыя ею въ великомъ герцогствѣ Люксембургскомъ военныя мѣры имѣютъ въ виду лишь защиту желѣзныхъ дорогъ зависящихъ отъ нѣмецкой администраціи"!!!

Безстыдство и безсовѣстность фонъ-Шена не отступаютъ ни передъ чѣмъ. Получивъ отъ своего правительства основанныя на завѣдомой лжи инструкціи, онъ идетъ себѣ, не сморгнувъ глазомъ, сообщить ихъ на Орсейскую набережную. Такъ, вечеромъ 3 августа онъ вручаетъ Вивіани записку, въ которой утверждаетъ, что „французскіе военные авіаторы летали надъ территоріей его страны, что они „нарушили нейтралитетъ Бельгіи", что „недалеко отъ Карлсруэ и Нюремберга они бросали на желѣзнодорожный путь бомбы!!! и добавляетъ, что въ виду наличности этихъ ясно выраженныхъ актовъ враждебности и этихъ наступательныхъ дѣйствій, Германская имперія считаетъ себя на положеніи войны съ Франціей"...

*) См. Желтую книгу, дѣло 135, точно также донесенія Бензена, англійскаго посла (Голубая книга)

Нечего и говорить, что всѣ эти факты были чистымъ вымысломъ. Знаменитая телеграмма изъ Эмса совсѣмъ блѣднѣетъ передъ этими повторными и умноженными до безконечности пріемами лжи.

Добавимъ, что, прощаясь съ Вивіани, фонъ-Шенъ проливаетъ еще нѣсколько крокодиловыхъ слезъ о своихъ разрушенныхъ надеждахъ на то, что онъ будетъ трудиться на пользу франко-германскаго сближенія!

VII. Царь и кайзеръ.

Чтобы вполнѣ разобраться въ этой путаницѣ предшествовавшихъ войнѣ безчисленныхъ обмановъ и преступленій, намъ нужно еще изучить четыре необычайно важныхъ эпизода. Они происходятъ одновременно въ Петроградѣ, Берлинѣ, Лондонѣ и Брюсселѣ.

Прежде всего намъ необходимо отмѣтить отношеніе къ этому конфликту РОССІЙСКАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА и германскаго кайзера. Чтобы получить непосредственное представленіе о характерѣ этихъ двухъ государей и объ ихъ отношеніи къ гремѣвшей уже вдали надвигающейся грозѣ, намъ надо обратиться къ нѣмецкой Бѣлой *) книгѣ и къ русской Оранжевой.

Въ телеграммѣ отъ 28 іюля (10 часовъ 45 минутъ вечера) германскій императоръ обращается къ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ.

„Я ничуть отъ себя не скрываю, насколько Тебѣ и Твоему правительству трудно противостоять проявлені-

---

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что нѣмецкая Бѣлая книга необычайно бѣдна, если посравнить ее съ книгами другихъ странъ. Ядро ея составляетъ одна длиннѣйшая записка, да нѣсколько неопредѣленныхъ и слишкомъ тощихъ бумагъ. И это вполнѣ понятно: нѣмецкой дипломатіи совсѣмъ нечѣмъ похвалиться. Но, вѣрная своимъ традиціямъ, она все-таки дѣлаетъ попытку ввернуть одну маленькую ложь. Такъ какъ разыгравшіяся событія открыто ее изобличаютъ, то Бѣлая книга стремится доказать тотъ ошибочный фактъ, что будто бы русское правительственное сообщеніе отъ 25 іюля, въ противоположность свидѣтельству другихъ дипломатическихъ книгъ, было на самомъ дѣлѣ послано еще 24-го. Эта ложь становится разомъ и очевидной и излишней, если

ямъ русскаго общественнаго мнѣнія. Въ воспоминаніе сердечной дружбы, съ давнихъ поръ тѣсно связывающей насъ обоихъ, я употребляю все свое вліяніе, чтобы склонить Австро-Венгрію придти къ лойяльному и удовлетворительному соглашенію съ Россіей. Я, конечно, расчитываю на то, что Ты поможешь мнѣ въ моихъ усиліяхъ устранить всѣ затрудненія, которыя могутъ еще возникнуть“.

Твой искренній и преданный
другъ и братъ Вильгельмъ.

Императоръ Николай 29 отвѣчаетъ кайзеру:

„Je suis heureux que tu sois rentré en Allemagne. En ce moment si grave, je te prie instamment de venir à mon aide. Une guerre honteuse a été déclarée à une faible nation; jè partage entièrement l'indignation qui est immense en Russie.

Je prévois que très prochainement je ne pourrai plus longtemps résister à la pression qui est exercée sur moi et que je serai forcé de prendre des mesures qui conduiront à la guerre.

Pour prévenir le malheur que serait une guerre européenne, je te prie, au nom de notre vieille amitié, de faire tout ce qui te sera possible pour empecher ton alliée d'aller trop loin *).

Николай.

Петергофскій дворецъ, 29 іюля, 1 часъ пополудни.

только мы примемъ во вниманіе, что Россія послала свое сообщеніе лишь послѣ того, какъ удостовѣрилась (Желтая книга, донесенія русскихъ агентовъ изъ Вѣны и Берлина), что въ отсрочкѣ (для продленія времени, даннаго австрійскимъ ультиматумомъ) все равно ей будетъ отказано.

Такимъ образомъ, въ виду того, что данное сообщеніе правительства нисколько не измѣняло международнаго положенія, Австріи нужно было лишь дать требуемую отстрочку,—и statu quo былъ бы возстановленъ.

Но что всего оригинальнѣе и неожиданнѣе въ этой нѣмецкой книжонкѣ, такъ это ея подъ-заглавіе: „какъ Россія и ея повелитель обманули довѣріе Германіи и вызвали европейскую войну“.

*) Осмѣлюсь перевести слова Высочайшей телеграммы такъ: „Я счастливъ, что ты вернулся въ Германію. Въ этотъ, столь важ-

Въ тотъ же день вечеромъ Вильгельмъ телеграфируетъ Царю:

„Итакъ, я думаю, что для Россіи, предъ лицомъ этой австро-сербской войны, вполнѣ возможно оставаться въ роли простой зрительницы (!) и не вовлекать Европу въ самую ужаснѣйшую войну, какую только она когда-либо видѣла.

Я думаю, что непосредственное соглашеніе между Твоимъ правительствомъ и Вѣной и возможно и желательно, ибо мое правительство, какъ я объ этомъ Тебѣ уже телеграфировалъ, старается ему способствовать всѣми силами.

Военныя мѣры Россіи, которыя Австрія можетъ счесть за угрозу, разумѣется, ускорятъ несчастье, которое мы оба стараемся избѣжать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлаютъ невозможной мою миссію посредника, принятую мною въ то время, когда Ты обратился къ моей дружбѣ и помощи“.

Вильгельмъ.

Нѣсколько часовъ спустя императоръ Вильгельмъ, очевидно, размышляетъ и рѣшаетъ, что слѣдуетъ во что бы то ни стало подготовить для будущаго какую нибудь лазейку. И вотъ онъ телеграфируетъ Царю, что, въ случаѣ, если Россія мобилизируется противъ Австро-Венгріи, его, Вильгельма, посредничество будетъ поставлено въ затруднительное положеніе, и вся отвѣтственность за войну или миръ падетъ на самого Царя? (!).

ный, моментъ Я непрестанно прошу тебя придти ко Мнѣ на помощь. Постыдная война объявлена слабому народу; всецѣло раздѣляю негодованіе Россіи, которое огромно.

Я предвижу, что въ очень близкомъ будущемъ Я буду уже не въ состояніи сопротивляться долѣе оказываемому на Меня давленію и буду принужденъ принять мѣры, которыя приведутъ къ войнѣ.

Чтобы предупредить несчастіе, какимъ была бы европейская война, прошу тебя во имя нашей старинной дружбы сдѣлать все для тебя возможное, чтобы помѣшать твоей союзницѣ заходить слишкомъ далеко“.

Императоръ Николай продолжаетъ, однако, относиться серьезно къ рѣчамъ своего царственнаго собрата. Въ тотъ же день Онъ отвѣчаетъ ему, что пять дней тому назадъ былъ отданъ приказъ о принятіи военныхъ мѣръ *въ видѣ отвѣта на приготовленія Австріи;* далѣе Онъ умоляетъ его продолжать свою роль посредника и свое энергическое вмѣшательство. А на другой день Царь Николай телеграфируетъ императору: „ses remerciements de tout coeur de ses intentions d'aider à régler tout à l'amiable“ *). И Онъ прибавляетъ даже такія трогательныя строки: nous sommes loin de désirer la guerre“; „mes troupes ne se livreront à aucun acte de provocation, je t'en donne ma parole d'honneur..., je souhaite la réussite de ton intervention à Vienne pour le bien de nos pays et la paix de l'Europe“.

Эти посланныя другу другу интимныя телеграммы обоихъ монарховъ даютъ воочію видѣть всю нравственную безпринципность Вильгельма и, наоборотъ, все кристальное благородство русскаго Царя, какъ истинно христіанскаго монарха.

Цѣль Вильгельма была обмануть Россію насчетъ своихъ плановъ, и вотъ онъ самъ берется за дѣло, споспѣшествуемый канцлеромъ и дипломатами. Всѣ они собственноручно занимаются этой стряпней, чтобы сбить съ толку Европу.

31 іюля кайзеръ считаетъ себя уже достаточно сильнымъ, чтобы бросить эти шулерскія карты. Но ему во что бы то ни стало нужно какое-нибудь свидѣтельство, которое доказывало бы Европѣ и потомству, что онъ не переставалъ дѣйствовать въ интересахъ мира. Равнымъ образомъ ему необходимо заранѣе свалить всю отвѣт-

*) Эти и слѣдующія Высочайшія слова осмѣлюсь перевести такъ: телеграфируетъ „о своей благодарности отъ всего сердца за его. (Вильгельма) намѣренія помочь уладить все полюбовно“...; „Мы далеки отъ желанія войны“..; „что Мои войска не позволятъ себѣ никакихъ вызывающихъ дѣйствій, даю тебѣ въ томъ Мое честное слово..., желаю успѣха твоему посредничеству въ Вѣнѣ на благо нашихъ странъ и для мира Европы“.

ственность за войну на другихъ. И вотъ въ послѣдній моментъ, когда уже разражается катастрофа, онъ посылаетъ Царю такую телеграмму: „въ своихъ усиліяхъ сохранить миръ я дошелъ до послѣднихъ границъ возможнаго, отвѣтственность за то ужасное несчастье, которое грозитъ сейчасъ всему цивилизованному міру, буду нести не я...“

Но и это ему еще не достаточно. Въ той же самой телеграммѣ онъ еще *болѣе настаиваетъ на своей роли* „ангела мира“ и говоритъ Царю: „миръ Европы еще можетъ быть сохраненъ Тобою, пусть только Россія рѣшитъ пріостановить свои угрожающія Германіи и Австріи военныя приготовленія.“

Но чтобы Россія не успѣла этого сдѣлать въ случаѣ, если бы Царь, паче чаянія, нашелъ возможнымъ осуществить свое желаніе мира, Германія на другой же день, то-есть 1 августа, посылаетъ оскорбительнѣйшій ультиматумъ, отступать передъ которымъ невозможно. Эта комедія была подстроена такъ хорошо, что Германія сейчасъ же сваливаетъ отвѣтственность за войну на Россію (см. дѣло 78 Оранжевой книги).

VIII. Нарушеніе нейтралитета Бельгіи.

Чтобы понять незаслуженное несчастіе и величіе бельгійскаго народа, не надо забывать особеннаго положенія этой страны въ Европѣ. Отдѣлившись отъ Голландіи, Бельгія въ 1831 г. получила выгодный для нея особый интернаціональный статутъ, гарантирующій ей *независимость* и *вѣчный нейтралитетъ* (статья 7). Восемь лѣтъ спустя на той же основѣ независимости и вѣчнаго нейтралитета былъ заключенъ голландско-бельгійскій трактатъ. Его исполненіе *гарантируютъ* принявшіе участіе въ этомъ трактатѣ Великобританія, Франція, *Пруссія* и *Австрія.*

Когда вспыхнула война 1870 г. Великобританія безъ малѣйшихъ затрудненій взяла съ обѣихъ воюющихъ странъ *обязательство уважать ихъ* собственную подпись. Но времена измѣнились.

Германская гегемонія, лѣтъ съ сорокъ тому назадъ начавшая распространяться по Европѣ, сильно подорвала уваженіе къ международнымъ договорамъ. Бельгія, находясь въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Германіей и чувствуя съ этой стороны постоянную угрозу, пытается обезопасить свое положеніе. Прежде всего она проводитъ въ 1909 г. законъ о личной воинской повинности*). Такъ какъ нѣмецкая опасность продолжаетъ расти, а та предполагаемая поддержка, которую можетъ оказать ей Англія, становится все болѣе и болѣе проблематичной, то Бельгія въ 1912 г. принимаетъ новый законъ, позволяющій ей увеличить численность ея войскъ вдвое. Этотъ законъ долженъ былъ дать свой окончательный результатъ лишь въ 1917 г.; вотъ почему Германія и съ этой стороны имѣла нѣкоторыя основанія ускорить войну.

Нужно отдать Бельгіи справедливость, что вооруженія ея были направлены *безразлично, вообще* противъ всѣхъ тѣхъ, *кто захотѣлъ* бы нарушить ея границы. Стараясь быть въ этомъ отношеніи безпартійной, она, повидимому, оказывала Германіи даже такіе знаки вниманія, что взволнованное французское общественное мнѣніе долгое время обвиняло короля Альберта и его народъ въ излишней склонности къ Германіи.

Между тѣмъ, какъ кайзеръ продолжалъ льстить королю и его странѣ, нѣмецкіе коммерсанты и промышленники мирнымъ путемъ завладѣвали Бельгіей. Вспыхни эта война лѣтъ на десять позже, захватъ Бельгіи нѣмцами былъ бы фактомъ уже совершившимся. Но, какъ бы то ни было, Бельгія имѣла право разсчитывать не только на формальное обязательство, данное ей Германіей, но и на личную признательность кайзера и его народа.

Послѣ этого маленькаго отступленія мы можемъ продолжать нашъ разсказъ.

О томъ, какъ поступали нѣмцы въ вопросѣ о соблюденіи нейтралитета Бельгіи, говоритъ намъ бельгій-

*) Взамѣнъ наемныхъ войскъ.

ская Сѣрая книга. Прежде всего, припомнимъ рѣчь имперскаго канцлера, сказанную имъ 4 августа съ трибуны рейхстага. Каждое ея слово является настоящимъ оскорбленіемъ самыхъ священныхъ принциповъ, управляющихъ отношеніями народовъ. Канцлеръ хотѣлъ подражать Бисмарку: вы найдете у него тѣ же сжатыя и точныя фразы, тѣ же рѣшительныя, западающія въ памяти формулы, то же безстыдство; только это послѣднее дополняется удивительною бездарностью и неспособностью. Отдадимъ, однако, должное его искренности, представляющей для Европы замѣчательное посвященіе въ тайны нѣмецкой души...

„Мы находимся въ положеніи законной самозащиты", восклицаетъ канцлеръ; *„необходимость не знаетъ закона"*. Затѣмъ, при громѣ апплодисментовъ рейхстага онъ прибавляетъ: „наши войска заняли Люксембургъ и, можетъ быть, уже проникли въ Бельгію; правда, это противорѣчитъ велѣніямъ международнаго права, но мы знали, что Франція держалась наготовѣ, чтобы вторгнуться въ Бельгію: *Франція могла подождать, мы — нѣтъ... Несправедливость же, которую мы такимъ образомъ совершаемъ, мы поправимъ, какъ только достигнемъ нашей военной цѣли"*. Въ то же время канцлеръ даетъ волю своей лжи, стремясь отвратить Англію отъ ея долга покровительствовать бельгійскому нейтралитету. И вотъ онъ телеграфируетъ въ Лондонъ, что „Германія была принуждена поступить такимъ образомъ изъ за Франціи, *которой представлялся случай занять Бельгію"*. „Само собою разумѣется, говоритъ нѣмецкая нота, что *мы не могли бы болѣе или менѣе выгодно аннексировать бельгійскую территорію, не дѣлая въ то же время территоріальнаго пріобрѣтенія въ ущербъ Голландіи*. Но Германія торжественно дала Голландіи слово въ томъ, что она будетъ соблюдать ея нейтралитетъ". Древніе часто гравировали на саркофагахъ болѣе святыя сцены. Будучи сильнѣе артистовъ отдаленныхъ временъ, канцлеръ въ разгаръ одной изъ самыхъ гигантскихъ катастрофъ предлагаетъ здѣсь человѣче-

ству страничку особенно зловѣщаго веселія, веселія пира во время чумы.

Но Асквита не смутишь этимъ литературнымъ произведеньицемъ. Онъ просто трубуетъ отъ Германіи гарантіи, подобно той, которая Франціей уже была дана. Англійскій кабинетъ соглашается ждать отвѣта изъ Берлина до полуночи 4 августа.

Не будемъ говорить подробно о нѣмецкомъ ультиматумѣ, посланномъ Бельгіи, объ извѣстномъ всѣмъ столь гордомъ и благородномъ поведеніи этой страны и ея короля, ради исполненія своего *долга* нейтральной державы и ея государя, поставившимъ на карту свою безопасность и свою будущность.

Что заслуживаетъ здѣсь особеннаго вниманія, такъ это то обстоятельство, что данное 29 іюля фонъ-Яговымъ германское обѣщаніе *не нарушать бельгійскій нейтралитетъ* *) и высказанное 4 августа канцлеромъ признаніе, что Германія, вторгнувшись въ Бельгію, совершила *актъ несправедливости*,—оба эти факта совершенно развязывали Бельгіи руки, и она получала право исполнить свой долгъ и защищаться *всѣми возможными средствами, которыя только были въ ея распоряженіи.*

Прежде чѣмъ апеллировать къ гарантировавшимъ ей нейтралитетъ Франціи и Англіи, бельгійское правительство дожидается не только истеченія срока, даннаго ультиматумомъ, но и дѣйствительнаго вторженія германскихъ войскъ въ ея владѣнія (Дѣло № 78 Оранжевой книги). Не будемъ, кромѣ того, забывать, что, по смыслу 10 статьи Гаагской конвенціи о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ державъ, Бельгія, отражая вторгнувшагося непріятеля силою оружія, *даже не совершала враждебнаго акта.*

Напомнимъ по этому поводу столь авторитетное мнѣніе знаменитаго Блюнчли, основателя „Германскаго института международнаго права", которымъ такъ гордится Пруссія. Авторъ „Свода законовъ международнаго

*) См. Сѣрую книгу, дѣло № 38. Рѣчь идетъ о засѣданіи комитета рейхстага того же числа.

права“ устанавливаетъ принципъ, что „нейтральное государство, неумѣющее или не желающее защищать свои права, *въ силу этого самаго факта* теряетъ ихъ!“ Такимъ образомъ, если бы Бельгія не защищала свои права, то этимъ самымъ, согласно нѣмецкой доктринѣ, она сильно повредила бы своей независимости и своему будущему! При этихъ условіяхъ Бельгія оказалась бы созрѣвшей для германской аннексіи!

Позади этого внѣшняго преступленія—нарушенія нейтралитета Бельгіи, разыгрывался одновременно одинъ изъ тѣхъ дипломатическихъ фарсовъ, которые такъ сильно приковываютъ къ себѣ вниманіе потомства. Мы уже говорили о томъ, что слѣдуетъ думать о германской дипломатіи; но въ этихъ осложненіяхъ изъ за Бельгіи ея бездарность и вѣроломство проявились уже дѣйствительно во всей своей полнотѣ. Чтобы понять, до чего доходили заблужденіе и близорукость дипломатовъ Германіи, намъ надо обратиться къ англійской Голубой книгѣ и какъ можно внимательнѣе прослѣдить тѣ разговоры и тѣ ноты, которыми обмѣнялись Лондонъ и Берлинъ.

IX. Историческая сцена.

4 августа 1914 года сэръ Эдуардъ Грей, въ отвѣтъ на послѣднее обращеніе короля Альберта къ королю Георгу, заключающее въ себѣ просьбу о дипломатическомъ вмѣшательствѣ Великобританіи, громко протестуетъ въ Берлинѣ противъ нарушенія трактата, подписаннаго Германіей вмѣстѣ съ другими державами. Онъ требуетъ немедленнаго отвѣта. Тогда фонъ-Яговъ проситъ князя Лихновскаго „разсѣять всѣ могущія быть въ Лондонѣ подозрѣнія относительно германскихъ намѣреній“. Но сэръ Эдуардъ Грей не поддается германскимъ обольщеніямъ. Онъ проситъ Гошена, англійскаго посла въ Берлинѣ, потребовать удовлетворительнаго отвѣта на его телеграмму, при чемъ отвѣтъ долженъ быть данъ къ полуночи. Въ противномъ случаѣ, говоритъ онъ своему послу, вы потребуете ваши паспорта“...

Въ этотъ моментъ мы присутствуемъ при необычайно интересной драматической сценѣ. Съ точки зрѣнія патетики и художественности она превосходитъ самыя захватывающія страницы мемуаровъ Сенъ-Симона. Получивъ столь энергичную телеграмму отъ своего правительства, англійскій посолъ отправляется къ фонъ-Ягову. Этотъ послѣдній повторяетъ свою старую пѣсню о „поставленныхъ предъ Германіей вопросахъ жизни и смерти". Британскій посолъ, невозмутимый, несмотря на все краснорѣчіе нѣмецкаго дипломата, ясно ставитъ ему вопросъ: „есть ли еще время сдѣлать шагъ назадъ; если нѣтъ, то онъ, посолъ, принужденъ будетъ потребовать свои паспорта"... Но фонъ-Яговъ опять говоритъ о безопасности имперіи. Онъ высказываетъ даже свои горькія сожалѣнія по поводу *крушенія его и канцлера политики, состоявшей въ томъ, чтобы завязать дружественныя отношенія съ Великобританіей, а потомъ, черезъ нее, сблизиться и съ Франціей*"...

Гошенъ продолжаетъ настаивать, что для Англіи поступить иначе невозможно. Онъ хочетъ видѣть самого канцлера. Здѣсь мы предоставимъ слово Гошену и дословно передадимъ его разсказъ объ этомъ свиданіи (Голубая книга, дѣло № 160).

„Я нашелъ канцлера въ очень возбужденномъ состояніи. Его Превосходительство сейчасъ же *началъ свою рѣчь, длившуюся минутъ двадцать*. Онъ сказалъ, что мѣра, принятая правительствомъ британскаго короля ужасна до послѣдней степени; только изъ за одного слова „нейтралитетъ", слова, которому въ военное время такъ часто не придавали никакого значенія, только изъ за одного клочка бумаги Великобританія собирается начать войну съ родственнымъ ей народомъ, ничего такъ не желавшимъ, какъ быть ея другомъ. Всѣ его, канцлера, усилія въ этомъ направленіи, продолжалъ онъ, пропали безъ всякой пользы изъ за этой послѣдней и страшной мѣры; политика, которой онъ, канцлеръ, какъ извѣстно, посвятилъ себя, какъ только оказался у власти, рушилась, какъ карточный домикъ. То, что вы сдѣлали,

воскликнулъ онъ, прямо непостижимо; это *все равно, что ударить сзади человѣка въ тотъ моментъ, когда онъ защищаетъ свою жизнь отъ двухъ напавшихъ на него враговъ.* Канцлеръ считаетъ, что отвѣтственной за всѣ могущія произойти событія является Великобританія.

Я энергично протестовалъ противъ этого заявленія и сказалъ что, подобно тому, какъ онъ самъ и фонъ-Яговъ хотѣли мнѣ растолковать, что наступленіе черезъ Бельгію и нарушеніе нейтралитета этой послѣдней являются для Германіи, въ силу стратегическихъ соображеній, дѣломъ жизни или смерти,—такъ я хочу ему разъяснить, что исполненіе торжественно принятаго на себя Великобританіей обязательства сдѣлать, въ случаѣ нападенія, все возможное для защиты нейтралитета Бельгіи, является для чести этой державы тоже, такъ сказать, дѣломъ жизни или смерти. Держать это торжественно данное слово, настаивалъ я, просто необходимо, иначе кто же впослѣдствіи будетъ вѣрить въ принятыя на себя Великобританіей обязательства.

Канцлеръ продолжалъ: какою же цѣною будетъ куплено исполненіе этого договора? Подумало ли объ этомъ британское правительство? Я старался растолковать Его Превосходительству со всею ясностью, на которую я тогда былъ способенъ, что страхъ передъ послѣдствіями едва-ли можетъ быть признанъ оправданіемъ для нарушенія торжественныхъ обязательствъ; *но Его Превосходительство былъ въ такомъ состояніи возбужденія, до такой степени разстроенъ извѣстіемъ о нашемъ выступленіи и такъ мало способенъ выслушивать мои доводы,* что я, не желая подливать масла въ огонь, воздержался отъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Когда я прощался съ нимъ, онъ сказалъ, что „наносимый Великобританіей въ союзѣ съ врагами Германіи ударъ этой послѣдней тѣмъ болѣе жестокъ, что онъ, канцлеръ, и его правительство почти до самаго послѣдняго момента работали вмѣстѣ съ нами и поддерживали наши усилія сохранить миръ“.

Мы могли бы кончить здѣсь нашъ докладъ о нѣмецкомъ преступленіи, но дѣло въ томъ, что дипломатическая дѣятельность Берлина отнюдь не прекратилась съ нарушеніемъ нейтралитета Бельгіи. Такъ какъ рѣшительно весь цивилизованный міръ былъ охваченъ ужасомъ при видѣ подобнаго безстыдства, то канцлеръ нашелъ полезнымъ прибавить еще новую ложь къ тѣмъ выдумкамъ, которыя онъ такъ щедро разсыпалъ какъ до, такъ и послѣ открытія военныхъ дѣйствій.

X. Еще ложь.

Прежде всего нужно было доказать, что Бельгія заключила направленный противъ Германіи договоръ съ Англіей. Для доказательства этого злостнаго обвиненія была придумана одна неправдоподобная исторія. Будто бы король Альбертъ, сдѣлавшись весною 1914 г. простымъ агентомъ тройственнаго согласія, заключилъ съ Англіей и Франціей военную конвенцію!

Съ другой стороны, этотъ же самый король Альбертъ, дѣйствуя отъ лица тройственнаго согласія, пытался будто бы образовать лигу нейтральныхъ государствъ средней Европы. Этой выдумкѣ въ обществѣ долго вѣрили. Но доказать что-либо въ этомъ смыслѣ Германія ничего не можетъ, ибо пользуется фантастическими документами, а смыслъ подлинныхъ искажаетъ. Основанная въ Швейцаріи лига нейтральныхъ государствъ была принята Бельгіей какъ разъ съ равнодушіемъ, если только не съ замѣтной враждебностью. Прибавимъ, помимо того, что если бы даже и было доказано, что Бельгія старалась обезопасить свой нейтралитетъ заключеннымъ съ Англіей и Франціей спеціальнымъ договоромъ, то и тогда ее нужно было бы признать правой. Угроза ея нейтралитету была, вѣдь, вовсе не иллюзорной. Это открыто признавали въ своихъ произведеніяхъ самые авторитетные нѣмецкіе военные писатели. Всѣ ихъ стратегическіе планы, въ томъ числѣ выработанный нѣсколько лѣтъ тому назадъ планъ войны 1914 г., имѣли своимъ исходнымъ пунктомъ вторженіе въ Бельгію.

Въ одной прочитанной въ Берлинѣ по просьбѣ и въ присутствіи кайзера лекціи генералъ фонъ-Шлиффенъ изложилъ планы будущей франко-нѣмецкой войны: она должна была начаться нашествіемъ на Бельгію, облегчающимъ нѣсколько недѣль спустя взятіе Парижа...

Впрочемъ, это формальное признаніе вытекаетъ изъ всѣхъ документовъ, подписанныхъ канцлеромъ и фонъ-Яговымъ.

Заключеніе.

Чтеніе этихъ *безспорныхъ и стоящихъ выше всякихъ сомнѣній* документовъ разсѣетъ всякія сомнѣнія относительно отвѣтственности за эту міровую катастрофу, всеразрушающему порыву которой съ такимъ очевиднымъ умысломъ положилъ начало кайзеръ, его дипломатія и народъ. Австрія играетъ здѣсь роль сообщника тѣмъ болѣе виновнаго, что ея дипломатическое преступленіе 1908 г. уже нанесло сильный ударъ безопасности Европы.

Кромѣ того, отъ всѣхъ этихъ нѣмецкихъ дипломатическихъ документовъ, взятыхъ вмѣстѣ, вѣетъ такою атмосферою преступленій и лжи, что становится вполнѣ понятно, почему цивилизованный міръ не могъ долѣе продолжать свое мирное существованіе, имѣя передъ собою всѣ эти созданныя и поддерживаемыя гегемоніей Берлина подстрекательства и состояніе вѣчной тревоги.

Въ то же время это доказываетъ намъ, что новая Европа можетъ родится только на развалинахъ милитаристической Германіи. Непрочный, основанный на компромиссахъ, миръ будетъ въ ближайшемъ будущемъ лишь простой прелюдіей къ еще болѣе ужаснымъ катастрофамъ.

Съ требованіями обращаться по адресу:
Симбирскъ, Кадетскій Корпусъ,
Б. Н. Мальгинову.